

Потеряв Махито, но заполучив Кэлина, Кэндзяку решил скорректировать свой грандиозный план, созревавший целое тысячелетие. Раз уж напрямую шпионить за Годжо Харой и его окружением, не привлекая лишнего внимания, у Кэлина не получалось, Кэндзяку оставил эти попытки. Он покинул комнату подчинённого и связался с Ураумэ.

— Как дела у вас с Сукуной? — спросил он. — Обладатели Шести глаз уже созвали совет, чтобы обсудить, как разделаться с ним. Будьте предельно осторожны.

Кэндзяку беспокоился о безопасности Дзуликого больше, чем сам Король проклятий. Слишком мало козырей осталось у него в рукаве против носителей Шести глаз, поэтому он искренне надеялся, что Сукуна благополучно вернёт себе былую мощь и разберётся хотя бы с одним из братьев.

Что касается второго... Кэндзяку до сих пор грызла досада при мысли, что Тюремная обитель оказалась в руках Годжо Хары. Если бы во время Сибуйского инцидента удалось запечатать Хару, всё сложилось бы иначе.

«Придётся найти другой способ и сыграть иначе».

Ураумэ ответил с ледяным пренебрежением:

— Господин Сукуна непобедим. Даже Шести глазам с ним не совладать. Вместо того чтобы тратить время на пустые звонки, лучше помощи отыскать оставшиеся пальцы.

На самом деле Ураумэ терпеть не мог этого изворотливого интригана. Связывавший их обет ограничивался лишь воскрешением Рёмэна Сукуны. Теперь, когда повелитель вернулся в мир живых, сотрудничество можно было бы завершить. Но у Сукуны ещё с прошлой жизни оставались некие обязательства перед Кэндзяку, да и желание Короля проклятий расправиться с обладателями Шести глаз частично совпадало с планами тысячелетнего мага. Точки соприкосновения оставались, и Ураумэ не торопился рвать связи, рассчитывая чужими руками раздобыть последние четыре пальца.

Сукуна, до этого сидевший в глубоком раздумье, лениво перевёл все четыре глаза на Ураумэ. Дождавшись, пока тот повесит трубку, он спросил:

— Часто ты с ним связываешься?

Ураумэ поспешно и благоговейно склонил голову:

— Господин Сукуна, Кэндзяку прожил целое тысячелетие в физическом теле. Его связи невероятно обширны, и в поисках артефактов ему нет равных. Мы лишь извлекаем из этого выгоду.

Хотя Сукуна и Ураумэ тоже явились из эпохи тысячелетней давности, большую часть этого времени их души провели в заточении внутри проклятых объектов. Они не жили по-настоящему все эти века, в отличие от Кэндзяку, который непрерывно скользил сквозь историю.

— Не верь ему, — предостерёг Сукуна. — Сосуд, который он подготовил для меня ранее — Итадори Юдзи, — был способен подавлять мою волю.

Лицо Ураумэ мгновенно потемнело. Он не видел момента, когда дух Сукуны пробудился в теле Итадори Юдзи — к их встрече Король проклятий уже полностью подчинил себе тело Дзина Итадори. До этого момента Ураумэ полагал, что повелитель просто выбрал более подходящего носителя, и даже не подозревал, какую коварную ловушку приготовил господин Кэндзяку.

— Теперь понятно, зачем он снизошел до того, чтобы лично выносить и родить этого мальчишку, — процедил сквозь зубы Ураумэ, сжимая кулаки от ярости. — Он посмел строить козни против вас! Я лично прикончу его!

При упоминании о том, что Кэндзяку самолично родил Итадори Юдзи, у Сукуны невольно дернулось веко. В каком-то смысле, заняв тело Дзина Итадори, он превратил Юдзи в их общего с Кэндзяку сына. Подобная мысль казалась дикой и сюрреалистичной даже для Короля проклятий, абсолютно чуждого человеческой морали.

— Не торопись, — небрежно бросил Сукуна, осаждая гнев верного слуги. — Сперва покончим с Шестью глазами. Как только с магами будет покончено, мы займёмся Кэндзяку.

Сколько бы веков ни прожил Кэндзяку, какими бы изощрёнными интригами ни опутывал мир, у него оставался один неискоренимый изъян — ему не хватало истинной мощи. Пусть он менял тела и воровал чужие техники, его человеческий мозг оставался прежним. Вместить в себя бесконечное множество чужих приёмов серое вещество не могло — разум бы просто выгорел под такой нагрузкой. Из всего многообразия Кэндзяку сохранял лишь горстку самых полезных техник, а его общая сила напрямую зависела от сосуда, который он занимал в данный момент. Для ничтожных шаманов он казался грозным соперником, но для сущности калибра Сукуны его мощь не стоила выеденного яйца.

Жалкий трус, выживающий тысячу лет лишь благодаря краже чужих тел, способный только пакостить исподтишка и избегающий открытого боя — Сукуна презирал его трусливую суть. Он признавал Кэндзяку как опасного интригана, но презирал как воина.

Стоит разделаться с обладателем Шести глаз, и Кэндзяку превратится в загнанного в угол зверя, которого можно будет раздавить без лишних усилий. А почему бы не прикончить предателя прямо сейчас? Лишь потому, что в грядущей схватке его коварство ещё могло сослужить службу.

При всей своей непомерной гордыне Сукуна не был безумцем. Он понимал, что биться одновременно с двумя носителями Шести глаз — чистой воды самоубийство. Краткая стычка с

Годжо Сатору наглядно показала: каждый из этих братьев силой не уступает ему самому в период расцвета. Подумать только, в эту эпоху родилось сразу двое столь чудовищно сильных существ! От одной этой мысли кровь Короля проклятий вскипала от предвкушения.

Но сражаться с обоими сразу он не собирался. Кэндзяку должен был отвлечь одного из братьев, пока Сукуна расправляется со вторым. А после этого наступит черёд и самого манипулятора.

Сейчас Сукуна вместе с Ураумэ направлялся на поиски своего сокусинбуцу — нетленного мумифицированного тела, оставшегося с эпохи Хэйан. Поглощение собственной древней плоти должно было вернуть ему силу, эквивалентную как минимум одному пальцу. Собрав воедино все осколки своей души, он обрёл бы могущество, превосходящее даже его прежний предел.

Великий воин умел выискивать выгоду и выжидать. Сукуна сочетал безграничную гордость с прагматизмом: если ситуация требовала затаиться, он беспрекословно уходил в тень. Он не собирался выдавать себя из-за пустяковых обид на невежественных смертных современности, чья глупость его раздражала. Благодаря этой тишине ищейки из «Окна» сбивались с ног, но не находили ни единого следа.

Кэндзяку тоже не сидел сложа руки, регулярно натравливая проклятия на города, чтобы отвлечь внимание магов. Шаманов в стране всегда не хватало, и лавина бесконечных вызовов лишала их возможности сосредоточиться на поисках Короля проклятий. Разумеется, такие гиганты, как Годжо Хара, Годжо Сатору или Гэто Сугуру, не разменивались на мелкую нечисть — у Кэндзяку попросту не нашлось бы столько проклятых духов особого ранга, чтобы связать их боем.

Но у этой троицы хватало других забот. Хара разрывался между обязанностями главы клана Годжо и руководством Главным советом магов. Гэто Сугуру проводил масштабные реформы внутри ведомства, погрязнув в бумагах, а Сатору нянчился с учениками в Токийском магическом колледже. Лично прочёсывать префектуры в поисках Сукуны им было некогда.

В сложившихся обстоятельствах бездействие Цукумо Юки, прохладившейся за границей, начало откровенно раздражать Хару. Пользуясь полномочиями главы Совета, он выписал официальный приказ о её немедленном возвращении на родину. Хотя Юки славилась своей строптивостью и плевать хотела на директивы чиновников, статус мага особого ранга всё же накладывал на неё определённые обязательства. К тому же кресло руководителя Совета теперь занимал равный ей по силе маг, чьё мнение приходилось уважать. Одолеваемая любопытством, Юки вернулась в Японию.

При первой же встрече, едва переступив порог его кабинета, Юки задорно спросила:

— Ну, колись, Хара-кун: какие женщины тебе по вкусу?

Хара лишь молча воззрел на неё. На мгновение у него возникло дикое искушение заявить, что женщины его не интересуют вовсе, а единственная его слабость — младший брат Сатору, но он

вовремя сдержался. Чуждый романтическим бредням Хара свято оберегал свой покой и свободу от каких-либо уз.

Проигнорировав нескромный вопрос, он холодно бросил на стол увесистую стопку папок:

— Вы вернулись как нельзя кстати, госпожа Цукумо. Вот ваш фронт работ. Извольте заняться истреблением этой нечисти.

Юки скользнула взглядом по угрожающей толщине папок и, даже не открывая их, поспешила откреститься:

— И не подумаю...

— Как только зачистите большую часть, — ровным тоном перебил её Хара, — я отдам приказ Тэнгэну начать постепенное сужение барьера. Вплоть до полного его уничтожения.

Юки опешила:

— Уничтожить барьер Тэнгэна?!

Кому, как не ей, бывшему Сосуду звездной силы, было знать истинную цену этого щита? Правда, благодаря её выдающемуся таланту и силе, когда она достигла особого ранга, старейшины больше не смели заикаться о её слиянии с Тэнгэном, спешно переключившись на поиск других кандидаток. Её отношение к прародителю магии оставалось сложным. С одной стороны, она сочувствовала несчастным девушкам, чьи голоса до сих пор эхом отзывались в её разуме после ассимиляции. С другой — барьер Тэнгэна служил куполом, защищавшим всю Японию. Его разрушение грозило погрузить мир магов в хаос.

Хара без труда прочитал её тревогу.

— Вы провели за границей достаточно времени, — спокойно произнёс он. — И наверняка заметили разницу в количестве и силе проклятых духов у нас и за рубежом.

Юки неохотно кивнула:

— Это правда. В других странах территории обширнее, а население — в разы больше, но тамошние проклятия слабы и немногочисленны.

Там отродясь не слыхивали о проклятиях стихийного бедствия особого ранга. Редкие чудовища, что изредка там пробуждались, уступали японским тварям, и с ними без труда справлялись даже маги первого ранга. Даже в зонах военных конфликтов, где людской страх и боль лились рекой, рождавшиеся проклятия не шли ни в какое сравнение с тем кошмаром,

который заперт внутри японского барьера.

Во время Сибуйского и Киотского инцидентов Юки ненадолго возвращалась на родину. Изучив отчёты о битвах с разумными проклятиями, умевшими говорить и выстраивать тактику, она не на шутку встревожилась. Неужели её мечта об искоренении самого корня появления проклятых духов обречена на провал, пока порождения людской злобы лишь продолжают крепнуть день ото дня?

Видя её замешательство, Хара вздохнул:

— Барьер Тэнгэна некогда защищал Японию. Но времена изменились, магия угасает. Теперь этот купол превратился в ловушку, удерживающую весь негатив внутри страны и провоцирующую бесконечное рождение монстров. Снос барьера неизбежен. Да, этот переходный период будет болезненным, и нам потребуются все свободные силы, чтобы сдерживать натиск. В стране всего пять магов особого ранга. У нас троих полно забот, четвёртый — ещё несовершеннолетний мальчишка. Вся надежда только на вас, госпожа Цукумо.

Слова Хары прозвучали для Юки как откровение. Разрушение купола действительно лишит проклятия питательной среды, опустив их популяцию до общемирового уровня. Пусть это и не полное исчезновение проклятых духов, о котором она грезил, но колоссальное облегчение для всех практикующих магов. Появится драгоценное время, чтобы найти фундаментальное решение проблемы.

Она решительно забрала со стола увесистые папки:

— Хорошо, я в деле.

— Рад это слышать, — Хара удовлетворённо кивнул, подсовывая ей самые опасные дела, связанные с зачисткой проклятых утроб и тварей особого ранга. — И держите ухо востро. Если наткнётесь на след Сукуны, немедленно свяжитесь со мной или Сатору. Самой лезть на рожон не советую.

На выходе из кабинета Юки едва не столкнулась с Гэто Сугуру. Тот удивлённо приподнял брови:

— Сенсей Цукумо? Когда вы успели вернуться?

Это была их вторая встреча. Предыдущая случилась в один из самых мрачных периодов жизни Гэто, когда он изнывал от изнуряющей летней жары и собственных сомнений. Тогда слова Юки о кардинальном решении проблемы проклятий натолкнули его на безумную мысль: перебить всех обычных людей, дабы перекрыть источник появления проклятых духов. Разумеется, за эту «гениальную» идею Хара знатно всыпал ему тогда горячих, заставив навсегда отказаться от экстремизма. Однако Гэто по-прежнему испытывал к Юки симпатию, видя в ней родственную душу, разделявшую его стремление изменить мир. Из уважения к её силе он и назвал её

«сенсеем».

Сама Юки и не подозревала, что её давняя лекция едва не породила безжалостного фанатика. Она весело хлопнула Гэто по плечу:

— О, Сугуру! Я наслышана о твоих реформах в Совете. Отличная работа, так держать!

До восхождения Гэто она долгое время оставалась единственным магом особого ранга, не принадлежащим к великим кланам. На неё возлагали надежды многие безродные шаманы, искавшие защиты. Но устав от кулуарной гнили Совета и бессмысленной гибели товарищей, Юки предпочла сбежать за границу, посвятив себя научным изысканиям. С появлением Гэто у молодых магов наконец-то появился настоящий лидер, способный отстаивать их права перед верхушкой «гнилых мандаринов». Разумеется, такие перемены вызывали у Юки искреннее восхищение.

Одобрение старшей коллеги польстило Сугуру. Улыбнувшись, он предложил:

— Не хотите пообедать в столовой Совета чуть позже? Там неплохо готовят.

— С удовольствием! — рассмеялась Юки и зашагала по коридору.

Проводив её взглядом, Гэто подошёл к столу Хары и разложил документы для отчёта. Выслушав коллегу, Хара лениво поинтересовался:

— С каких пор вы так дружны с госпожой Цукумо?

— Мы встречались всего раз, — мягко улыбнулся Гэто. — Но у нас во многом схожие взгляды. Мы единомышленники.

— Вот как? — Хара хмыкнул, припомнив утопические бредни Юки. — Значит, оба мечтаете избавить мир от проклятий.

— Со временем проклятия исчезнут сами собой, — равнодушно отозвался Хара. — Магический фон неуклонно угасает. Мы уже стоим на пороге эпохи духовного оскудения — эпохи конца магии.

Однако он предпочёл умолчать о том, что вместе с проклятиями из мира уйдут и сами шаманы. Равновесие вселенной непоколебимо. Искусственное ускорение этого процесса лишь приведёт к тому, что ныне живущие маги окажутся не у дел, став угрозой для обывателей и мишенью для правительства. Шаманы превратятся в кошек, которых завели ради ловли крыс, а после полного истребления грызунов решили утопить за ненадобностью.

Самым разумным выходом Хара считал естественный ход вещей: сломать барьер, снизить плотность проклятий и позволить магии мирно сойти на нет в течение десятилетий. К тому моменту их с Сатору земной путь уже завершится, а проблемы будущих поколений его мало заботили. Ему совершенно не хотелось разгребать последствия чужих поспешных реформ.

— Если вам действительно так хочется уменьшить количество нечисти, займитесь уровнем жизни населения, — подытожил Хара. — Счастливые люди генерируют куда меньше негативных эмоций.

Гэто лишь покачал головой. В глубине души он считал эту меру полумерой. Людская натура такова, что сытый обыватель всё равно найдёт повод для зависти и злобы. Проклятия станут слабее, но не исчезнут. А он жаждал окончательного решения.

Хара мысленно покачал головой. Ирония судьбы: маг, повелевающий проклятиями, спал и видел, как уничтожить собственный источник силы. Чистой школы самосаботажа. Впрочем, пока эти амбиции не вредили Сатору, Харе было плевать.

Не собираясь читать Гэто нотации или играть роль чуткого наставника, Хара молча придвинул к нему новую гору бумаг:

— Чтобы через три дня всё было у меня на столе.

Лучшее лекарство от философской хандры и глупых мыслей — это старая добрая бумажная волокита. Когда дел по горло, времени на экзистенциальные кризисы попросту не остаётся. Гэто, не подозревая о коварном умысле начальства, послушно взвалил на себя стопку отчётов и отправился трудиться во благо Совета.

Спихнув всю рутину на заместителя, Хара со спокойной душой отправился в Токийский магический колледж провести Сатору.

Едва завидев брата, Сатору просиял и бесцеремонно потащил его в сторону тренировочного поля:

— Братец! Ты как раз вовремя! Подмени меня на занятии, а я мигом слетаю в Сэндай за свежими кикфуку!

Прежде чем Хара успел вставить хоть слово, Сатору вытолкнул его перед застывшими учениками первого и второго курсов:

— Прошу любить и жаловать! Сегодня урок проведёт другой сенсей Годжо! — И растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкий порыв ветра.

Хара обречённо посмотрел на пустое место, где только что стоял его непутёвый брат, и тихо

вздыхнул. Он шёл сюда, чтобы провести время с Сатору, а не возиться с кучкой подростков. Но раз уж любимый младший брат попросил... отказать он не мог.

Он перевёл взгляд на собравшихся. Три первокурсника и шесть второкурсников — всего девять человек. Лица старших ребят были ему отлично знакомы, ведь он уже не раз заменял Сатору на подобных занятиях.

Из новоприбывших он хорошо знал лишь Мэгуми Фусигуро, которого они с Сатору фактически вырастили. А вот Итадори Юдзи и Кугисаки Нобара во все глаза разглядывали нового наставника. Хотя Хара лично проводил самый сложный ритуал по отделению души Сукуны от тела Юдзи, сам парень об этом даже не догадывался.

<http://bllate.org/book/19549/2004392>